

Ева Полынь

A movie poster for 'Wolf's Den' (Волчья Падь). The central image is a split-face portrait: the left side shows a young man with dark, wet hair and intense yellow eyes, while the right side shows a black wolf's head with matching yellow eyes. A vertical line separates the two. The background is a dark, misty forest. In the top left corner, there is a decorative golden emblem. The title 'Волчья Падь' is written in a large, golden, textured font at the bottom, with the subtitle 'Легенды таёжной земли' below it.

Волчья Падь

Легенды таёжной земли

Ева Польша

Волчья Падь. Легенды таёжной земли

<https://litres.ru/74105609>

SelfPub; 2026

Аннотация

В сибирской тайге, где волки приходят к самой околице, охотник Назар встречает того, кого не должен был.

У Назара рождается сын. Красивый, сильный, с глазами цвета янтаря. Люди шепчутся.

Только Васёна смотрит на него нет отводя взгляда.

Но тайга не прощает, а прошлое не уходит. Матвею придётся сделать выбор: остаться человеком или принять то, что живёт внутри него.

Содержание

Глава 1 Охота	4
Глава 2 Негаданная встреча	12
Глава 3 Пробуждение	19
Глава 4 Начало	26
Глава 5 Незримая битва	35
Г	42
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Ева Полынь

Волчья Падь. Легенды таёжной земли

Глава 1 Охота

Глубоко в тайге стоит деревушка — Волчья Падь её кличут. Потому как рождаются там мальчики

с

жёлтыми глазами. Поговаривают люди, что кровь у них волчья, проклятая. И только старожилы знают, с чего всё началось.

Рано лёг снег в ту зиму. Напорошило так, что дворы утопали в сугробах. К Крещению ударили лютые морозы. Волки кружили у самого села. По ночам из леса тянулся долгий протяжный вой — аж кровь застывала. Бабы затемно боялись из дому выходить.

Прошлой ночью волки наследили у крайних домов, что стоят ближе к лесу, да пса у Игната чуть не разорвали. Еле отбил — благо почти в каждой избе есть ружьё.

Жители начали спускать собак с цепей, жгли костры на околице, мужики дежурили по улицам с ружьями.

Звезды ещё стояли высоко, ярко светили на иссиня-черном небе, ночь не спешила отступить. В избе было тепло, пахло хлебом и кашей.

Назар тихо соскользнул с койки, задёрнул занавеску и пошёл к столу. Сибирский мужик — кудрявый, светло-русый, с широкими плечами и большой бородой. Он зажёл лучину у лавки, застеленной хубсаром*. Рыжий огонёк заплясал по стенам, освещая угол комнаты. Назар зевнул и потянулся за ружьём. Проверил кремень, подсыпал порох.

Тяжело ступая, шаркая по полу шерстяными чулками, к мужу вышла Груша. Рукой подпирала поясицу. Тугая чёрная коса тянулась вдоль спины. Женщина была буряткой, до замужества звалась Саяной. Назар влюбился без памяти в её раскосые карие глаза и сразу же сосватался.

— Мать, пошто встала? — Назар накрыл ладонью большой, уже опустившийся живот. — Он спит, и ты спи. Со дня на день сын попросится — силы будут нужны.

— Провожу... Сейчас на стол соберу.

Женщина, переваливаясь, подошла к печи, раскрыла заслонку, достала ухватом чугунок с кашей, заправленной салом, поставила перед мужем. Сама села напротив, поглаживая круглый живот. Назар черпал дымящуюся кашу прямо из чугунка деревянной ложкой, закусывая кислым хлебом.

На запах вышла рыжая кошка — толстая, холёная. Она вальяжно сделала круг у хозяйских ног и запрыгнула на лавку вылизываться.

— Боязно мне, Назарушка, — тихо сказала Груша. — Векша гостей намывает. Не к добру сегодня на волка идти.

— Не бойсь, Груня. Бог даст, отгоним волка в тайгу. Все охотники нынче выходят, неужто я один дома останусь?

Назар взял кусочек сала и бросил кошке. — Векша, полно лизаться.

Кошка мигом спрыгнула на пол, схватила угощение в зубы и спряталась под лавкой.

— Дай Бог, — тихо ответила Груша.

Она взяла тонкую щепу, подохла от лучины и поднесла к лампаде в красном углу. Маленький огонёк, трепыхаясь, замерцал, освещая иконы.

— Убереги нас от дурного и нечистого, — женщина перекрестилась, бросила щепу в печь.

Пока Назар хлебал кашу, Груша решила сготовить мужу заутран. Покопавшись в закромах, она достала тёмный брус, завернутый в холстину. Отбив ножом кусок, бросила его в котелок с кипятком. По избе разлился густой, терпкий дух. Затем подлила вечернего молока, бросила щепоть соли, ложку масла и поджаренной муки. Половником разлила сытный чай по глиняным кружкам.

— На, выпей, — сказала она, подавая мужу одну. — Чтоб не озяб в лесу.

Назар глотнул обжигающий солоноватый напиток — приятное тепло разлилось по телу. Он зачерпнул ложкой со дна разбухшую чайную заварку с мукой и отправил в рот.

— Выходить мне скоро. Иди подремли ещё.

— Провожу тебя, тогда уж.

Груша убрала чугунок с кашей обратно в под и прикрыла заслонкой. Взяла вторую кружку, сделала глоток. Лёгкая улыбка тронула её красивые губы.

— Айда-ка, послухаю, — Назар опустился на колено, приложился ухом к беременной жене.

— Спит, еще видать, — сказал он Груше. И прошептал, глядя на живот: — Скоро свидимся, Матвейка.

Мужчина верил повитухе — уж после трёх дочерей должен быть сын. Дашутка десяти лет мирно сопела на полатах. Девочка пошла в мать — миндалевидные глаза, тёмные густые волосы, прямые, как конский хвост. Дуняша семи лет и Маняша пяти лет спали на печи. Они уродились похожими на отца — светлые глаза и волосы. Младшая унаследовала от Назара ещё и кудри.

Охотник надел треух, замотал шею шерстяным платком. Груша подала мужу хлеб и сало. Мужчина спрятал еду за пазуху — чтоб не замёрзло. На пояс повесил кисет с огнивом, нож в кожаных ножнах, маленький рожок с порохом для подсыпки. Перекрестился на красный угол и взялся за ручку двери. За околицей, со стороны леса, снова протянулся волчий вой. Векша выгнулась и зашипела.

— Господи, помилуй, — зашептала Груша.

— От, дурная животи́на, — усмехнулся Назар. — Хозяйку испужала.

Он крепко обнял жену:
— Сына береги, я скоро.

Груша перекрестила мужа в спину и осталась стоять, глядя на дверь. Затем, переваливаясь, подошла к окну, откинула льняную занавеску, вышитую красной нитью, попыталась разглядеть Назара, но лишь пламя от факела мелькнуло во тьме и тут же растворилось.

Она медленно подошла к сундуку, откинула крышку. Бросила взгляд на печь — дети спят. Запустила руку под меховой кафтан, достала онгон* — деревянную фигурку волка. Очень быстро что-то шепнула и спрятала обратно.

Встретиться сговорились у Игнатьева дома, а там уже толпой на опушку. Игнат вышел в сени в распахнутом тулупе, изо рта валил пар. Крепкий мужик — косая сажень в плечах. Брови густые, борода с проседью.

— Все?

— Десять рыл.

— Добро. Значится так — ходит матёрый с ватагой, штук пять-шесть. Назар, ты стрелок. Кого с собой берёшь?

— Дед Кузьма, Георгий, Фёдор.

Мужики согласно кивнули.

— Добро. По номерам вставайте, как в прошлый раз. Загонщиками пойдут Санька мой, Петька, Савва и я.

Санька — старший сын Игната, толковый парень, не раз уже на охоте бывал, на голову выше бати. Петька — друг

его. Савва — мужик средних лет, молодым на подстраховку. Несмотря на возраст, дюже шустрый.

— Степан слева, Прокоп справа.

Не курить и не кашлять. Кто закурит — шкуру спущу. Не разговаривать, громко не сморкаться. Ежели волка завалите — орём «Готов!», на помощь сигнал «Сюда!». Дай Бог загоним их, мужики.

Игнат перекрестился, следом за ним остальные охотники. Командир надел шапку, застегнул тулуп, подхватил на плечо подволоки:

— Выходим.

Охотники вышли из села, прошли вдоль крайних изб, мимо стогов, утонувших в сугробах. Впереди чёрной стеной встал лес. Волчьи следы уходили в чащу, но один отпечаток был огромен — даже для матёрого. Игнат, самый бывалый охотник, таких не видывал. До опушки добрались по насту, а там надели лыжи. В глубине каркнула ворона, и лес затих. Командир окинул взглядом мужиков — все на месте. Санька сглотнул так, что дёрнулся кадык.

— Не бойсь, — шепнул отец. — Загоним.

Он смочил палец и поднял его вверх — проверить, откуда ветер. Жестом показал занимать позиции. Охотники на широких подволоках вошли в лес.

Назар встал у кривой лиственницы, снял лыжи и поставил рядом, воткнув их в глубокий снег. Слишком тихо. Даже снег под ногами не скрипел - словно в ожидании. Будто лес

уже знал, за кем он пришёл.

Игнат с загонщиками зашли в тыл, встали цепью, растянувшись дугой, охватывая лог с трёх сторон.

— Э-ге-ге-ей! — заорал он во всё горло.

Остальные подхватили: лихо засвистели, загремели трещотками.

Назар притаился за лиственницей. Сердце его бешено колотилось, несмотря на мороз, он почувствовал жар в теле. Чем ближе слышался шум загонщиков, тем крепче охотник сжимал ружьё. Прогремел выстрел со стороны Фёдора:

— Готов! — проорал тот.

Затем дед Кузьма:

— Готов, мать его!

Назар затаил дыхание. Из кустов, прямо на него, припадая на переднюю лапу, вывалился матёрый.

Охотник вскинул ружьё, нажал на спусковой крючок. Щёлк — осечка. Волк уже близко, глаза горят жёлтым светом, взгляд — будто людской, не звериный вовсе. Время остановилось. Зверь смотрел прямо на Назара.

Сердце колотилось, перед глазами мелькнули жена и дочери.

Спуск пуля попала в зверя. Он запнулся, кувырком полетел прямо к ногам Назара. Ледяной снег ударил в лицо. Мужик выругался, опустил взгляд и замолчал. Перед ним лежал человек.

*Хубсар (бурят.)- меховые коврики из конских камусо-

в(шкуры с ног лошади), сшитые мозаикой

*Онгон (бурят.) - дух помощник, который обитает в
небольшом предмете

Глава 2 Негаданная встреча

Перед ним лежал человек. Назар крепко зажмурился, открыл глаза — не почудилось.

Молодой мужчина, высокий, с жилистым телом, был совершенно нагой. От него шёл пар, словно только из бани, а из ран сочилась кровь.

Человек медленно поднялся на ноги, Назар заметил, что правая рука болтается плетью вдоль тела. Глаза светились жёлтым огнём.

Он был на голову выше охотника и пошатывался от ран. Оборотень шумно потянул ноздрями воздух, почуял запах и сделал шаг назад.

— Отпусти меня, Назар. Не трону тебя, — прохрипел мужчина, тяжело дыша. Грудь его ходила ходуном, рот был открыт. Охотник заметил четыре клыка, выделявшиеся среди остальных белоснежных ровных зубов.

— Нечисть... — прошептал Назар. — Пресвятая Богородице, моли Бога о нас! — он перекрестился. Человек не исчез.

— Не место нечисти на нашей земле, — рявкнул охотник. Вскинул ружьё, зажмурился и выстрелил прямо в сердце мужчине. Тот пошатнулся, упал на колени, но тут же вскочил, схватил левой рукой Назара за горло и поднял над землёй. Охотник захрипел, перебирая ногами в воздухе, пытал-

ся дотянуться до ружья, выронил его в снег.

— Не место?! — взревел оборотень, что вороны над лесом разлетелись.

— Теперь в твоём доме нечисть будет жить.

Он швырнул Назара в дерево. Мужик съехал спиной по стволу в сугроб, сверху обрушился снег, державшийся на ветвях ели. В глазах потемнело. Сколько времени прошло — Назар не помнил. Очнулся, когда Игнат растирал его лицо снегом:

— Жив! Жив, стервец эдакий! Пошто на помощь не кличешь?

Назар начал жадно хватать воздух, но дышать было больно, грудь и спину ломило, голова раскалывалась. На затылке, перемазанном кровью, вздулась шишка. Зубы застучали, лицо стало белым, как береста.

— Нечисть, — прошипел он. — Нечисть видел.

— Эка его разморило, мужики. Лыжи сымайте, вяжите ремнями, живо! Санька, Степан — один тулуп на волокуши, вторым Назара закрыть. Сами тащить будете — не околеете. Савва, Петька — идёте с ними, будете меняться. Мы останемся туши собрать. Да, быстрее, мать вашу!

Назара загрузили на волокуши, накрыли тулупом. Шли быстро, временами сменяя друг друга.

— Живой? — то и дело орал Степан.

— Да, жив покамест, — хрипло отвечал Назар.

В глазах темнело, он то и дело проваливался в сон, тогда

Петька или Санька хлестали его по щекам со всей дури:

— Не спи, дядя Назар! Почти дошли, не спи!

Савва скинул свой тулуп и накрыл вторым слоем, затем схватился третьим тащить волокуши.

Вошли в село, все запыхавшиеся, разгорячённые.

— Петька, тащи с нами, Санька, за бабой Стешей бежи скорее, — скомандовал Степан.

— Держись, Назарка! Дома почти, — бодрились мужики.

Груша так и не уснула, проводив мужа. Отправилась шуршать по хозяйству, на душе скребли кошки. Печь давно прогорела, в избе стало прохладно. Груша запалила новую лучину, но свет не разгонял тревогу. Она то и дело выглядывала в мутное окно, подходила к образам, крестилась.

— Векша, уйди с глаз долой, — шикнула женщина на кошку, которая тёрлась у её ног.

Наконец Груша услышала, как стукнула дверь в сенях. Она выглянула из избы. Трое мужиков — двое спереди и один сзади — подняли волокуши на плечи, чтобы занести раненого в дом.

— Ай, харалтай!* Назарушка! — кинулась женщина к мужу.

— Груша, дай пройти! — рывкнул Степан.

Она прижалась к стене, придерживая дверь дрожащей рукой.

Назара занесли в дом, прямо на тулупе переложили на

койку. Он тихо постанывал, дышал со свистом и, кажется, провалился в беспамятство.

— Волк подрал? — запричитала Груша. — Говорила не ходить сегодня, погодить — он упёрся рогом.

— Жив, и слава Богу, — тихо ответил Савва.

— Сейчас Санька бабу Стешу приведёт, — сказал Петька, сам ни жив ни мёртв от страха.

Баба Стеша — местная травница, лекарь, повитуха. Не счесть, сколько раз она латала охотников, детишек лечила, роды принимала.

Восьмой десяток ей стукнул нынче, а сил — как у молодухи.

— Груша, горячей воды тащи, — скомандовала старуха, лишь перешагнув порог.

— Сейчас, сейчас, — женщина полезла в печь за чугуном.

— А вам по домам пора, — глянула баба Стеша на охотников. — Нечего тут глазеть.

Мужики перекрестились на красный угол и толпой вышли из избы.

— Ты давай тоже, лучину мне поставь и уйди отседа.

Груша поставила у кровати чугунок с горячей водой, лучину, притащила тряпки. Задёрнула занавеску у койки и стала к иконам.

Она тихонько читала молитвы, часто-часто крестилась. Временами слышала, как муж стонал, охал, баба Стеша что-

то шептала.

Сквозь занавеску женщина видела, что старуха склоняется над Назаром, размахивает руками у его головы.

— Маменька, — позвала Маняша. Сонное, румяное от печного тепла личико выглянуло из-за шторы. Кудрявые белые волосы растрепались в стороны, местами топорщились.

— Маняша, спускайся ко мне, — ответила Груша. — Девочки проснулись?

— Дрыхнуть ещё.

Маняша резво перевалилась через край печи, нащупала ногой лесенку и прыгнула вниз.

— Тятку волк подрал? — прошептала она, шлёпая босыми ножками к матери. — Помрёт теперича?

— Ну-ка обувайся, застудишься, — Груша ладонью вытерла мокрое от слёз лицо, нащупала за печной трубой чуни и бросила дочери под ноги.

— Тепло мне, маменька, — Маняша подошла и обняла её, прижавшись головой к животу. — Ты не плачь, братика испугаешь.

Груша снова хотела зарыдать, но сделала глубокий вдох и крепко обняла дочь.

— Не плачу, звёздочка моя.

— Побудить девок?

— Нет, пусть ещё подремлют.

— Всё, — выдохнула старуха, выходя от больного.

— Всё? — закричала Груша так, что старшие дочери по-

вскакивали.

Они спрыгнули на пол, растирая кулачками сонные глаза.

— Ну чавой разоралась? Жив.

— Жив... — повторила женщина и кинулась целовать бабке костлявые руки.

— Погодь ты! — отпрянула она. — Рёбра переломаны, голову разбил, а укусов нет. Не волк это.

— А кто ж тогда?

— Мне почём знать? У охотников поспрашай. Сами, что ль, поколотили его?

Груша молча стояла посреди избы и смотрела на бабу Стешу немигающим взглядом.

— Вот, — старуха сунула ей в руки льняной мешочек с травами. — Сегодня поить будешь. Тряпку на голове мочи, смотри, чтоб холодная была. Святой воды дай попить. Коль сегодня очнётся — меня покличь. До завтра доживёт — там поглядим. Николаю Угоднику молись да акафист читай. Теперь на всё воля Божья.

— Я сейчас в погреб сбегая, — спохватилась Груша. — Мёду принесу.

Накинула тулуп и, тяжело ступая, вышла в сени. Вернулась с берестяным туеском, сверху залитым воском.

— Вот, — протянула его старухе, которая уже собиралась выходить.

— Спасибо, хозяйка, — баба Стеша приняла подарок, спрятала за пазуху. — Назар крепкий мужик, не бойсь. Да и

тебе со дня на день родить, так что зови.

— Спасибо, — прошептала Груша.

Старуха отправилась домой, на улице уже рассвело.

Женщина села на лавку, закрыла лицо ладонями.

— Маменька, маменька, — окружили её дочери. — Тятя захворал?

— Захворал, — выдохнула она. Опёрлась руками о колени. — Сейчас покормлю вас.

Маняша взяла кошку на руки, крепко прижала к себе:

— Векша тоже хочет.

— И Векшу накормим, — Груша тяжело поднялась, кряхтя, опираясь на лавку. Достала ещё тёплый чугунок из печи и поставила на стол.

Девочки взяли деревянные ложки, начали жевать кашу — все из одной посуды.

— Нечисть! — взревел Назар за шторкой.

Дочери пораскрывали рты, испуганно глядя на мать. Маняша расплакалась.

— Ешьте! — гаркнула Груша. — За мной не шастать, — и, переваливаясь, поспешила к мужу. Откинула занавеску. Назар лежал в бреду: рубаха взмокла — хоть выжимай, он дрожал и пытался схватиться за край кровати.

*Харалтай (бурят.) — горе, беда, проклятие.

Глава 3 Пробуждение

— Назар, Назар, нюдөө ани !* Посмотри на меня! — Груша спешно начала обтирать лицо мужа мокрой холодной тряпицей. — Пресвятая Богородице, убереги нас от дурного и нечистого!

Назар вздрагивал, жадно хватал ртом воздух, пот катил градом по красному лицу.

— Пить, — прохрипел он.

— Сейчас-сейчас, я скоренько, — Груша налила в чашку святой воды из кувшина и поднесла к губам мужа, приподняв его голову. Назар начал жадно пить, давясь и откашливаясь.

— Спасибо, Господи! — прошептала женщина.

Она облегчённо вздохнула, почувствовала запах арсы*, что накануне развесила дома. С горечью посмотрела на мужа — совсем слаб, а роды уже близко.

— Маняша, не хныч! — грозно сказала Дашутка, сверкнув карими глазами. — Бери ложку и ешь.

Малышка размазала по щекам слёзы, вытерла нос о воротник и послушно продолжила трапезу, временами опуская ложку под стол, чтобы Векша слизала жирную кашу.

Дуняша не вытерпела, соскочила с лавки, побежала к отцу.

— Дунька, сядь! — крикнула Дашутка, но та уже стояла у занавески.

Чуть отодвинув ткань, девочка заглянула на койку. Отец тяжело дышал, лёжа на подушке.

— Больно тятё? — шёпотом спросила она.

Груша обернулась к дочери:

— Больно, Дуняша, но мы это дело поправим. — Она ласково погладила мужа по руке.

Девочка медленно подошла к изголовью, тронула мокрые отцовские кудри, положила ладошку на его щёку:

— Тятя, не болей. Скоро братик родится, тебе надо его посмотреть.

— Дуня, — хрипло отозвался Назар.

Дашутка с Маняшей ринулись к отцу, обгоняя друг друга:

— Тятя!

— Тятя проснулся!

Дети облепили отца со всех сторон, галдели, тянули к нему свои ручки.

Назар хотел приподняться, но раскашлялся, сил в руках не было. Он бессильно опустился обратно на подушку.

— Лежи-лежи, не подымайся, — Груша поправила одеяло. — К вечеру баба Стеша придёт, поглядит тебя.

— Чего глядеть, вот он я. Сейчас отлежусь чутка, пойду снега в баню натаскаю, — ответил Назар, глядя Маняшу по макушке.

Дуняша забралась на кровать к отцу, обняла за шею. Дашутка села рядом с матерью:

— Маменька нынче плакала.

Мужчина поднял на жену виноватые глаза:

— Прости меня, Груня, не послухал тебя.

— Чего уж теперь, — тяжело вздохнув, ответила она, поглаживая живот обеими руками.

— Дашут, айда ко мне, — протянул руку к дочери Назар.

Девочка подвинулась к отцу, положила свою ладошку на его горячую ладонь:

— Ты уж, тятя, больше так не делай. Испужались мы, и Манька вон хныкала.

— Не буду, — хрипло ответил он.

— Так, пострелята, — сказала Груша, поднимаясь с койки. — Хватит отца маять. Бегом за стол!

Девочки зашлёпали по полу босыми ногами.

Груша подошла к изголовью:

— Рёбра кто тебе пересчитал? — строго спросила она, заглядывая мужу в глаза.

— Не помню ничего, Грунь, — Назар нахмурился, почесал висок. — Стал у лиственницы, подволоки в снег воткнул Фёдор стрелял, опосля дед Кузьма И всё.

— Ладно, лежи, — уже мягче сказала жена. — Сейчас взвару тебе наварю.

Она начала разворачиваться, но муж ухватил за руку.

— Погодь, Матвейку послухаю. — Со второго раза Назару удалось сесть. Он скривился от боли, но промолчал, стараясь натянуть улыбку. Приложился ухом к животу и легонько погладил рукой:

— Стучится уже, Матвей Назарыч.

— Да, ещё не родился, а чуть без отца не остался, — Груша старалась не разрыдаться, но на глаза навернулись слёзы. Она прикрыла рот ладонью.

— Груня, полно тебе. Живой я, — Назар поднял глаза на жену. — На кого бы я вас оставил? Присядь-ка. — Он похлопал по краю койки. Груша опустилась рядом с мужем, Назар поцеловал её в лоб.

— Всё, не плачь, а то малец тоже расстроится.

— Не плачу, — женщина утёрла слёзы. — Некогда мне тут с тобой рассиживаться. Пойду взвар приготовлю.

Груша поднялась, прикрыла койку занавеской и направилась к столу, где дочери доедали завтрак. Шум детских голосов будто отрезало, Назар остался один.

Рёбра болели — словно по ним телегой прокатали. Голова тяжёлая, руки ослабли. Он взглянул на бревенчатые стены: чуть поодаль висела икона Богородицы, украшенная сверху рушником, под ней — пучок зверобоя и ветка арсы*. Рядом с койкой висела заранее подготовленная люлька, которая крепилась на кольцо, вбитое в потолок.

Мужчина перекрестился и уронил руку на простынь.

«Стрелял Фёдор, потом дед Кузьма А дальше? Хоть убей не помню, — думал он. — Волк? Так некусанный я. Поди деревом каким придавило, снегом может?»

Назар заглянул под рубаху — на всю грудь расплылось тёмное пятно.

«Однако ничего не помню».

Мужчина закрыл глаза, тяжело вздохнул.

— Бедная моя Саяна. Страху натерпелась Спасибо, Господи, что не разродилась с перепугу без меня.

Он вновь перекрестился, чуть подтянул одеяло и задремал. В избе стало тихо. Лишь печь потрескивала дровами да за окном изредка подвывал ветер.

Груша, тяжело шагая, отправилась в сени, подошла к полкам, сняла берестяной короб с сушёными ягодами. Набрала малины, брусники, захватила листики душистой мяты.

В избе достала глиняный горшок, ополоснула квасом. Ссыпала в него ягоды и мяту, залила крутым кипятком из чугуна. Размешала, добавила мёду на глаз, накрыла крышкой. Откинула железную заслонку печи, ухватом подцепила горшок и ловко поставила его в под — там жар уже не палит, а греет ровно и долго. Красноватый свет из печи осветил уставшее лицо.

— Вот, теперь постой там, — сказала она горшку и задвинула заслонку обратно.

Тяжело дыша, Груша опустилась на лавку. Поясницу тянуло под тяжестью живота — ходить становилось всё труднее. Дети играли. Дашутка учила сестёр пеленать тряпичную куклу. Дуняша заворачивала, Маняша глядела:

— Дунька, не так, — злилась старшая. — Тут подгинай, а там заткни.

— И так подгибаю, — хмурилась Дуняша.

За окном уже рассвело, наступил короткий зимний день. Снег искрился и переливался под лучами солнца. Мороз чуть отступил, поэтому ребятня высыпала на улицу.

— Дашут, там потеплело сегодня, собери сестёр, сходите во двор. Тяте отдыхать надо, а от вас шуму много. Заодно курам зерна подсыпьте, — обратилась Груша к старшей дочери.

— Ура! — обрадовалась Маняша. — К курам пойдём!

— Оденься сначала, — Дашутка бросила в младшую тревохом.

— Дочь, подсоби ей, — попросила мать.

Дашутка закатила глаза, но поплелась в сени за полушубком для Маняши.

Младшие вместе с Грушей пошли следом. Дуняша быстро застегнула тужурку и выскочила во двор.

— Дуня, обожди нас! — крикнула вслед Маняша, надевая рукавицы-перстятки.

— Иди уже, — буркнула Дашутка, поправляя одежду.

Маняша побежала за сестрой.

— Без меня к курам не ходить! — крикнула старшая вслед и обернулась к Груше:

— Маменька, иди в дом, я погляжу за ними.

Мать прижала к себе Дашутку:

— Не морозьтесь там, озябнете — сразу домой.

Дочь кивнула и отправилась к выходу.

Открылась дверь — в сени вошёл Игнат, как обычно в рас-

пахнутом тулупе. Из рта валил пар, от быстрого шага шапка съехала набекрень. Кончики усов и борода под губой покрылись лёгким инеем.

— Дашутка, тятка там как?

— Спит, — ответила девочка, проносясь мимо. — Нечисть ему кажется.

Груша окинула взглядом охотника, рукой пригласила его войти и переступила порог.

* нюдөө ани (бурят.) — «открой глаза»

*арса (бурят.) — можжевельник, используется для оку-
ривания

Глава 4 Начало

Игнат пригнул голову и вошёл, захлопнув за собой дверь. Он скинул шапку, перекрестился на иконы. Иней у рта мгновенно растаял, оставив мелкие капли воды на жёсткой щетине.

Груша поставила на стол глиняный чайник с заваркой.

— Садись, — кивнула женщина. — Чаю налью, согреешься.

— Да я проведать только...

Охотник собирался присесть на лавку, но из-за занавески раздался хриплый голос:

— Игнат... иди сюда.

Груша вздрогнула, обернулась. Мужчина поднялся и поспешил к койке. Женщина направилась следом, резко замерла — ноющая боль сковала поясницу. Она сделала несколько глубоких вдохов и села на лавку, прижала ладонь к спине, переждала, выдохнула.

— Жив, чертяка! — радостно объявил Игнат.

— Жив, — глухо ответил Назар.

— Эка тебя снегом прихлопнуло. С самой большой ели насыпало.

— Снегом, значит... Не помню совсем.

Охотник присел на край койки, достал из запазухи флягу с медовухой и показал больному. Тот кивнул:

— Груша, принеси посуду.

— Тебе нельзя, — отозвалась жена.

— Пожалуйста.

— Иду.

Женщина медленно поднялась, достала с полки две глиняные кружки, тяжело шагая подошла к койке, вручила их Игнату.

Назар, увидев лицо жены, приподнялся на локте:

— Что? Пора?

— Сегодня, кажись, — ответила Груша. — К ночи.

— Баню готовить надо, — сказал муж и попытался встать.

— Снегу натаскать в шайку.

— Лежи, — тронул его за плечо Игнат. — Сам натаскаю.

Где вёдра?

— В предбаннике, — женщина отправилась к дверям.

— Мать, не скачи больно-то, Игнат найдёт.

— Найду, Груша, сиди дома, — отозвался охотник.

Он натянул полушубок, шапку и вышел.

Груша перевела дух, прижала ладони к животу:

— До вечера потерпи, сыночек.

Она подошла к красному углу, у икон ровно горела лампада. Огонёк тёплым мерцанием освещал лик Божьей Матери.

Женщина перекрестилась:

— Богородица-заступница, помоги нам.

Дверь распахнулась, в избу ворвался клуб морозного пара.

Вошли девочки, раскрасневшиеся, весёлые. С рукавиц и

валенок закапала талая вода.

— Маменька, — позвала Маняша. — Там дядя Игнат в нашу баню снег таскает.

— Таскает.

— Почему? — удивилась она.

— Глупая ты, Манька, — ответила за мать Дашутка.

— Не ссорьтесь, — вздохнула Груша.

— Братик просится, да? — спросила Дуняша.

— Да. Тятка болеет, дядя Игнат на подмогу пришёл.

Женщина сидела на лавке, прижимая руку к пояснице. Она переждала тянущую боль, выдохнула и тихо сказала:

— Дашут, беги к бабке Стеше. Пушай приходит. К ночи, видать, пора будет. И скажи, что тятя проснулся.

Девочка кивнула и выскользнула за дверь, спустилась по ступенькам, выскочила во двор. Побежала к калитке и врезалась в Игната, несущего полные вёдра снега. Шапка чуть не слетела с её головы.

— Ты куда, Дашка?

— К бабке Стеше, — бросила она и побежала дальше.

Мужчина что-то хотел сказать, но девочка уже скрылась за поворотом.

— Ну беги, беги, — сказал он вслед.

Дашутка влетела в дом повитухи не постучавшись. Щёки румянились от мороза, девочка запыхалась, часто дышала.

— Баба Стеша, маменька прислала меня.

— Что, тятка очухался?

— Да! — задыхаясь, ответила Даша. — И братик тоже сегодня родится.

— Дождался, Назарка, — ухмыльнулась баба Стеша. — Ну добро, к вечеру буду. Беги домой, скажи.

Дашутка кивнула и выбежала обратно в мороз.

А бабка принялась собирать свой мешок: чистые тряпицы, сбор травяной, ножницы, нитки.

— Дай Бог, родим сегодня крепкого пострелёнка. Богородица-заступница, помоги, — она подошла к иконам, перекрестилась три раза и низко-низко поклонилась.

Дверь отворилась, и в избу, стряхивая снег с пухового платка, вошла баба Стеша. За спиной у неё висел холщёвый мешок.

— Ну что, Груша, ты, говорят, родить надумала?

— Надумала, — чуть улыбнувшись, ответила женщина. — Часто уже, — кивнула она на живот.

Назар сидел на койке, напряжённо переводя взгляд с жены на бабку и обратно.

Дуняша с Маняшей пеленали кукол, Дашутка сидела рядом с матерью, временами поглаживая её то по руке, то по спине.

Повитуха разделась, прошла к рукомойнику, долго и старательно мыла руки — с мылом, шаркая шершавыми ладонями. Потом вытерла их о чистое полотенце, висевшее тут же на гвозде, и только тогда подошла к роженице.

— Сейчас мы посмотрим, где там твой пострел, — она достала из своего мешка какую-то трубку, приложила один конец к животу, ко второму прислонилась ухом. Затем аккуратно ощупала живот.

— Не торопится дитё. Сиди пока.

— Чаю налью, — поднялась Груша с сундука.

— Не откажусь, — ухмыльнулась бабка и пошла проверить Назара.

Она подошла к койке, задёрнула занавеску.

— Что, голубчик, грудина болит?

— Болит, — отозвался Назар.

— Хорошо, — сказала бабка, доставая тряпицы из мешка.

— Живой значит, — и засмеялась.

Мужчина усмехнулся в ответ, но закашлялся и схватился за грудь.

— Рано тебе хохотать. Сейчас замотаю — полегше будет. Подсоби-ка.

Назар с бабкиной помощью стянул рубаху. Старуха осмотрела его, достала густую жирную мазь и привычным движением принялась втирать её в рёбра охотника. Он кривился от боли, закусил губу, но молчал, временами тяжело вздыхая.

Затем баба Стеша туго замотала его грудь тряпицей.

— Ну как? — спросила она, явно довольная своей работой.

— Нормально, — отозвался больной.

— Баба Стеша, — позвала Груша. — Чай готов.

Старуха вышла, снова вымыла руки и уселась за стол.

Хозяйка достала сушёную морошку, сало, мёд. Поставила перед старухой глиняную кружку и налила густую заварку.

— Ох, ягоды я люблю. Старая уже, а до сладкого как дитё малое, — хохотнула повитуха.

— Лист малиновый пила, как я учила? — обратилась она к Груше. — Не первый раз, знаешь уже.

— Пила, — кивнула женщина.

— Добро, — баба Стеша перекрестилась. — Дай Бог, родим мальчика сегодня, — и громко швыркнула чаем.

Вскоре женщины засобирались в баню. На улице уже потемнело. — Дашутка, уложи сестёр спать, — попросила Груша.

— Но я думала с тобой пойду, — ответила девочка, прижимая к себе материнскую руку.

— Там без тебя справимся, — Груша погладила дочь по макушке. — Ты мне тут подсоби, добро?

— Добро, — сказала Дашутка. — Девки, бегом спать!

Баба Стеша с Грушей рассмеялись, Назар от смеха и боли закашлялся на койке.

— Груня, я спать не буду, — отдышавшись, сказал охотник. — Помолюсь тут.

Женщина кивнула и медленно вышла следом за повитухой.

Баня уже протопилась, в предбаннике было прохладно,

пахло дымом и берёзовым веником.

Пар повалил, когда баба Стеша отворила тяжёлую дверь.

— Ну, Аграфена, раздевайся, — скомандовала старуха, скидывая платок.

Груша стянула с себя шубейку, сарафан и осталась в рубахе.

В этот момент накатила очередная схватка, скрутила женщину, и она застонала, согнувшись.

— Полезай на полок.

Роженица, переваливаясь, прошла в жаркое нутро бани.

Взяв Грушу под локоть, баба Стеша помогла ей подняться.

Женщина села на горячий полок и ощутила приятное тепло. Мышцы начали расслабляться, на душе стало спокойней. Груша радовалась скорой встрече с сыном.

Повитуха поставила рядом деревянную кадуюшку, наполненную водой, приготовила чистые тряпки, ножницы, нить для пуповины.

— Давай, Аграфена, теперь твоя работа. Рожать ты умеешь, а я подсоблю.

Груша кивнула, облизнула пересохшие губы. Пар клубился под потолком, а за толстыми стенами бани завывала метель.

Назар сидел в тишине, дети уже спали. Дашутка долго не хотела ложиться, думала братика дожидаться, но отец насто-

ял. Тогда девочка легла на лавку и велела побудить, когда Матвейка родится. На том и порешили.

— Долго нынче Груша моя мается, — беспокоился мужчина. — Так и петухи скоро запоют.

Лежать мочи не было. Он, кряхтя и морщась от боли, поднялся с койки. Медленно дошёл до дверей, накинул на плечи полушубок, держась за стену спустился с лестницы и побрёл к бане.

— Баба Стеша, что там? — приложившись ухом к двери, спросил он.

Из бани доносился слабый стон жены.

Старуха выскочила в предбанник:

— Плохо дело, Назар, — затараторила шёпотом повитуха. — Не можем родить, большое дитя, видать. Измаялась девка уже вся, сил нет. — Назар, — позвала Груша.

Он вошёл в баню, теплом обдало лицо. На полке лежала жена в исподней рубаше, волосы прилипли ко лбу и щекам, губы побелели. Она крепко вцепилась рукой в край доски.

— Саяна... — мужчина замер.

— Дух леса сына хочет забрать, — тяжело дыша, прошептала она. — Онгона принеси с моего сундука.

— Саяна, ты же крестилась, — оторопел муж.

— Неси! — из последних сил рывкнула женщина.

Назар, не чувствуя боли, ринулся в избу, распахнул сундук жены и начал вытряхивать оттуда вещи. На пол упала фигурка.

Он схватил её и, не одеваясь, рванул обратно.

— Вот, это ты просила? — Назар вложил деревянного волка в горячую Грушину ладонь.

— Да, — выдохнула женщина. Она не посмотрела на мужа, только крепко сжала фигурку.— А теперь уходите.

Глава 5 Незримая битва

— Груша, как ты одна здесь? — Назар встревоженно глядел на жену. — Не уйду!

Баба Стеша загородила собой роженицу и мягко сказала: — Она мать, Назар, ей лучше знать. В предбаннике обождём.

Старуха взяла его под локоть, но мужчина выдернул руку. — Тэнгэри минии! (Боже мой, Небеса мои!) — прокричала Груша из последних сил. — Намайе орхёо! (Оставьте меня!) Убирайтесь!

Назар побледнел, увидев перекошенное лицо жены. Она откинула голову на берёзовый веник, тяжело и часто дышала, схватившись за живот.

— Шустрее, ну! — баба Стеша схватила Назара за руку и потащила на выход, затем обернулась: — Мы в предбаннике обождём, родная.

Перекрестила Грушу, вышла и плотно захлопнула за собой дверь.

Мужчина стал как вкопанный перед дверями, со лба капал пот, лютая дрожь охватила его.

— А если не сможет? — шёпотом обратился он к старухе. — На всё воля Божья, — вздохнула баба Стеша. — Молись, Назар. Как умеешь, молись.

Мужчина упал на колени и отчаянно начал читать молит-

вы — все, которые помнил.

Баба Стеша стояла рядом, шептала молитву Богородице.

Груша осталась одна в бане. Пар клубился под потолком, оседал на стенах, стекал каплями по её лицу.

Женщина села на полок, обхватив тугой живот, шепча только ей понятные слова, и вдруг замерла.

Показалось, что в бане стало темнее, пар сгущался, превращаясь в серые клубы. Из угла потянулась к ней лапа — большая, серая, с выпущенными когтями. Волчья лапа...

Груша хотела закричать, но грудь сдавило, голос пропал. Лапа потянулась к её животу.

— Не отдам, — наконец выдохнула она. — Не тронь, проклятый!

Женщина сжала онгон так, что дерево впилося в ладонь, и заговорила хрипло, громко:

— Энэ миний хүү! Энэ миний цус! Яба саашань! (Это мой сын! Моя кровь! Уйди!) Би бусаажа үгэхэгүйб! (Я не отдам!)

Лапа дёрнулась, но не исчезла. Груша почувствовала, как холод проникает в живот, скручивает внутренности. Она закричала:

— Тэнгэримни, шагнагты! Минии тэнгэри, хамгаалыт! (Небо моё, услышь! Небо моё, защити!) — и подняла онгон над головой.

Пар рассеялся, лапа исчезла. Осталась только боль — острая, режущая.

Женщина упала на спину, на мокрые доски полка, и взвыла.

Но вой тот был победителя. Не Груша — Саяна отвоевала своё дитя в этой битве.

— Бабка Стеша! Иди сюда — сына рожать буду!

Старуха ринулась внутрь, захлопнув дверь прямо перед носом Назара. Мужчина остался стоять снаружи, дрожащими руками оперевшись на дверь. От бессилия он зарыдал.

— Давай, голубка моя, я с тобой, — сказала баба Стеша, засучивая рукава. — Тужься крепко!

Груша закричала — низким, звериным криком. Вцепилась в край полка, отчего пальцы побелели. В другой руке она держала фигурку.

— Давай, — крикнула бабка. — Ещё разок, последний!

Женщина рванулась вперёд, выдохнула и почувствовала, как тяжесть внутри отпустила. Осталась пустота и облегчение. Груша обессиленно откинулась на спину.

В тот же миг тишину разорвал крик — крепкий, звонкий. Младенец плакал, втягивая воздух грудью. Он дрыгал ножками и сжимал кулачки.

— Умница, — улыбаясь, похвалила повитуха. — Не мудрено, что родить не могла. Щёки, видать, не пролезали, — она засмеялась, укладывая младенца с пуповиной на мате-

ринскую грудь. — Сын у тебя - крепкий, в Назарку. Гляди, кулачищи какие!

Груша прижала к себе младенца, закрыла глаза, по щекам текли слёзы.

Рядом лежала деревянная фигурка волка, сбоку которой темнела тонкая, едва заметная трещина.

— Шоно, — шепнула Груша. — Ты будешь Шоно.

Младенец открыл глаза — тёмные, глубокие, как у неё. Он смотрел на мать взглядом взрослого человека.

Баба Стеша выглянула за дверь:

— Пуповину резать будешь? Назар моргнул несколько раз, чтобы стряхнуть слёзы с ресниц, и молча кивнул.

Он переступил порог на негнущихся ногах.

Жена лежала на полке бледная, прижимая сына к груди. Её трясло, зубы стучали.

— Груша, холодно тебе? — Так бывает, — шёпотом ответила женщина. Муж подскочил к ней, заглянул в свёрток:

— Матвейка! На тебя похож... — тронул пальчиком чёрные волосы на детской макушке, крепко поцеловал руку жены. — Спасибо.

Груша лишь молча улыбнулась.

— Давай, режь, не медли, — повитуха сунула Назару ножницы.

— Если не так отрежу? — испуганно посмотрел он на бабу.

— Как надо, так и отрежешь, — спокойно ответила та. — Отец же.

Мужчина перекрестился, выдохнул и, стараясь не трести руками, перерезал пуповину одним точным аккуратным движением. Матвейка лежал спокойно, пригревшись у матери.

— Ну всё, теперь иди. Дальше сами управимся, — сказала баба Стеша, забирая ножницы.

Назар постоял ещё мгновение, затем шагнул на выход, держась за стены.

Выйдя из предбанника, он упал на колени. Нагрёб в ладони горсть колючего снега и вытер им лицо.

— Спасибо, Господи!

Еле-еле поднялся — только теперь он почувствовал, как сильно болят рёбра.

С трудом добравшись до избы, Назар тихонько отворил дверь, чтобы не разбудить дочерей.

— Тятя, братик уже родился? — слышался шёпот из темноты.

От неожиданности мужчина запнулся, но устоял.

— Дашутка, пошто не спишь? — также шёпотом ответил Назар.

— Проснулась — темно, и нет никого. Хотела в баню идти.

Отец сел рядом с дочерью на лавку, обнял её и погладил по макушке.

— Родился братик, скоро домой придёт.

— Ах, — Дашутка прижалась к отцу.

— Маменька умаялась там? Я помогу ей Матвейку нянчить.

— Дашут, ты лучину поставь, чтоб в потьмах не сидеть.

Девочка резво подскочила с лавки, взяла щепу из-за печи, открыла заслонку. Кочергой достала уголёк и подожгла от него лучину.

Поставила её к лавке у входа.

Назар сидел, прижавшись спиной к стене. Рёбра ныли сильнее. Но в груди радостно билось сердце : «Сын! Сын родился!»

Дашутка достала с полки свёрток, отковыряла ножом кусок от тёмного бруска, бросила в глиняный чайник с кипятком. Добавила соль, масло, муку. Размешала, налила в две кружки. Одну взяла себе, вторую протянула отцу. Нарезала хлеба и сала.

Мужчина смотрел на дочь и улыбался: «Совсем взрослая стала!»

Отворилась дверь, вошла баба Стеша, держа в руках объёмистый, бережно завернутый свёрток. За ней, чуть прихрамывая, переступила порог Груша.

Дашутка соскочила с лавки и подбежала к повитухе, заглядывая в свёрток:

— Покажи, покажи Матвейку!

Она чуть отодвинула ткань:

— Гляди, маленький какой! Чёрненький, на меня похож!

— Тише! — шикнула старуха. — Разбудишь.

Назар смотрел на жену. Она была бледной, уставшей до прозрачности, с тёмными кругами под глазами.

Чёрные длинные волосы рассыпались по плечам, падали на лицо и грудь, взгляд был твёрдым, прямым. В руке женщина держала деревянного волка.

Её красота стала другой — не той румяной, девичьей, а глубокой, как омут.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.